

После полудня Гу Сяодун в одиночестве сидел у окна, безучастно глядя на блёклое небо. Гу Цзиньюя вновь вынудили уйти по делам службы — светские обязанности требовали его присутствия, поэтому он оставил целую свору слуг присматривать за гостем. Сяодун пододвинул стул к самому окну и сел спиной к комнате, стараясь не замечать устремлённых на него безмолвных взглядов. Он ждал. Ждал, когда вернётся кречет с вестями.

Каждый раз, когда за окном раздавался шелест крыльев, он испуганно вытягивал шею, надеясь увидеть знакомый силуэт.

Осень безжалостно забирала последнее тепло, и бледное предвечернее солнце уже не грело. Сяодун сидел, спрятав озябшие руки в широкие рукава, и весь день пытался думать о чём-то светлом. Перед смертью его приёмный отец, Чжан Канье, успел лишь предупредить, что Сяодуну грозит смертельная опасность. О судьбе Чжан Дэнцина он не проронил ни слова. Сяодун отчаянно молился, чтобы это молчание было хорошим знаком, а не милосердной ложью.

Если вдуматься, безжалостные разбойники из Цзянху охотились вовсе не за Чжан Дэнцином. Тому незачем было оставаться в поместье Гу и терпеть эту удушающую неволю. Если бы не Сяодун, Дэнцину никогда бы не пришлось сносить обиды, терпеть унижения и подвергаться истязаниям.

Сяодун долго сидел в оцепенении, погружённый в безрадостные думы, пока багровое солнце не начало медленно тонуть за горизонтом. Кречет так и не вернулся, зато на пороге появился пожилой, незнакомый ему управляющий.

— Молодой господин, князь просит вас пожаловать к нему.

Сердце Сяодуна тревожно сжалось. Он порывисто поднялся, собираясь идти, но слуги преградили ему путь. Без единого слова они принялись спешно приводить его в порядок — поправляли одежду, приглаживали волосы. Однако, как они ни старались, скрыть его опухшие, покрасневшие от слёз глаза было невозможно.

Следуя за старым управляющим, Сяодун робко пытался расспросить его по дороге о цели вызова. Никто не ответил. На его расспросы слуги отзывались лишь холодной, притворно-почтительной недомолвкой.

Тревога крепла с каждым шагом. Он шёл сквозь великолепия Западного сада процветания, не замечая его роскоши. Ладони его покрылись холодным липким потом, а в душе селился леденящий страх.

Управляющий привёл его в просторный двор. Последние лучи заката угасли, и поместье погрузилось в сумерки. Миновав ряды безмолвных, суровых воинов личной стражи и замерших от ужаса слуг, Сяодун вошёл в ярко освещённый главный зал. На почётном месте восседал Гу Янь.

Даже не двигаясь и не произнося ни слова, князь Чжэньбэй излучал столь сокрушительную, властную ауру, что у Сяодуна по спине пробежал мороз, а пальцы мгновенно онемели от холода.

Двустворчатые двери позади него остались распахнутыми настежь. Внутри зал сиял мириадами огней, снаружи же клубилась непроглядная осенняя ночь.

Бледный как полотно Сяодун медленно пошёл вперёд. Несколько мгновений он стоял посреди мёртвой тишины, словно вкопанный, пока наконец не вспомнил о правилах приличия и поспешно не опустился на колени, совершая положенный поклон.

Присутствие Гу Яня было настолько подавляющим, что полностью затмевало всех остальных. Лишь поднявшись с колен, Сяодун заметил, что кресла по обе стороны зала заняты. Гу Пинханя среди них не было, но здесь сидели его вторая сестра, Гу Цзиньюй и младший брат.

Они сидели прямо, не шевелясь и глядя строго перед собой. Каждый из них обладал безупречной, неземной красотой — изысканные, холодные, они казались не живыми людьми, а безупречно высеченными нефритовыми изваяниями.

Страх окончательно сковал Сяодуна. Он стоял посреди зала, съёжившись под чужими взглядами и не смея поднять глаз, когда сверху раздался тяжёлый, леденящий голос Гу Яня:

— Знаешь, зачем я тебя позвал?

Сяодун вздрогнул. В голове промелькнули слова Гу Цзиньюй о грани между «покорностью и трусостью». Он заставил себя сделать неловкий поклон:

— Зна... знаю.

Гу Янь не стал тратить слова попусту. Он лишь слегка постучал пальцами по столу, и в ту же секунду из тени выступил человек. Откинув полы одеяния, он опустился на колени прямо рядом с Сяодуном.

Сяодун испуганно уставился на него. Перед ним на коленях стоял Чжу Ми, бережно держа в руках тяжёлую деревянную планку-розгу.

— Управляющий Чжу... — пролепетал Сяодун, цепenea от ужаса. — Что случилось?

Даже держа в руках орудие наказания, Чжу Ми сохранял своё обычное спокойное и суровое выражение лица:

— Этот ничтожный слуга не проявил должного рвения в надзоре за подчинёнными, из-за чего

пострадало доброе имя молодого господина. Прошу вас, молодой господин, принять эти розги и нанести мне сорок ударов в назидание остальным.

Зрачки Сяодуна сузились. Он отшатнулся, мотая головой:

— Нет! Я не буду!

Он умоляюще взглянул на возвышавшегося на помосте Гу Яня, но натолкнулся на столь леденящий и величественный взор, что кожа его мгновенно покрылась мурашками.

Чжу Ми продолжал стоять перед ним на коленях, непоколебимый, точно скала. Ровным голосом, прилюдно, он принялся зачитывать правила домашних наказаний клана Гу — чеканя каждое слово, строго и методично. В огромном зале сидело множество людей, но все они застыли подобно марионеткам. Под высокими сводами разносился лишь размеренный голос управляющего и прерывистое, паническое дыхание Сяодуна.

— Прошу вас, нанесите мне сорок ударов со всей силы.

В голове у Сяодуна воцарилась звенящая пустота. Невидимое, удушливое давление сжимало его со всех сторон, не оставляя воздуха. Он хотел крикнуть, что всё это — безумная дикость, но зубы его колотились так сильно, что он не смог вытолкнуть ни единого слова, боясь навлечь ещё более страшную беду.

Чжу Ми приподнял розги чуть выше, протягивая их ему:

— Если молодой господин не желает утруждать себя, он может передать розги стражникам во дворе. В таком случае они нанесут этому слуге шестьдесят ударов.

Стражники, стоявшие на часах за дверью, были огромными, точно башни — каждый в два с лишним раза крупнее Сяодуна. После шестидесяти ударов в их исполнении Чжу Ми вряд ли остался бы в живых.

Холодный пот катился по лбу Сяодуна, из глаз брызнули слёзы. Он вновь с надеждой посмотрел на Гу Яня:

— Ваше Высочество... умоляю вас, пощадите его...

Гу Янь даже не взглянул на него. Его взор устремился на распахнутые двери:

— Вытащить его во двор. Восемьдесят ударов плетью.

Из темноты двора тотчас шагнули двое плечистых стражников. Они надвигались на них неумолимо, словно железные глыбы. Сяодун не выдержал. Охваченный паникой, он рухнул на колени:

— Ваше Высочество! Я сделаю это! Я сам! Умоляю, пощадите его! Сжальтесь!

— Встань и бей.

Сяодун медленно, словно одеревенев, поднялся на ноги. В зале царило гробовое безмолвие. Он не смел поднять глаз на сидевших по бокам родственников, а Чжу Ми уже сам послушно протягивал ему деревянную планку.

Когда-то, в прошлой жизни, будучи лишь младшим сыном простого бродячего торговца, он никогда в жизни не дрался. Приёмный отец и названный брат всегда заслоняли его собой от любых невзгод, позволяя ему прятаться за их спинами и лишь с любопытством взирать на огромный мир.

Но человек — не камень. Сяодун прожил бок о бок с Чжу Ми почти месяц. Он привык видеть в нём строгого, но преданного наставника, старшего брата, мудрого и надёжного человека, на которого всегда можно положиться.

И теперь он — ученик, названный младший брат, ребёнок — должен был поднять руку на того, кто его оберегал.

— Этот слуга виновен. Прошу вас, не щадите сил.

Два стражника замерли в нескольких шагах, готовые исполнить приказ князя при малейшем колебании. Сяодун дрожащими пальцами принял розги из рук Чжу Ми. Дерево показалось ему невероятно тяжёлым.

Чжу Ми опустил руки и покорно подставил свою широкую спину.

Глаза Сяодуна нестерпимо жгло от слёз. Он медленно занёс руку.

— Один... два...

Тонкая деревянная планка была сработана на славу — рукоять украшал изящный шёлковый темляк из красных нитей. При каждом ударе дерево с силой отскакивало назад, заставляя ладонь дрожать от отдачи, а красные шёлковые нити хлестали его по тыльной стороне руки. Сяодуну казалось, что каждый удар наносится по его собственному сердцу.

На сороковом ударе дрожащий счёт оборвался. Слёзы окончательно застлали Сяодуну глаза.

Он прошептал:

— Я... я закончил.

На этом ведь всё? На этом кошмар должен закончиться.

Однако с возвышения раздался ледяной голос князя:

— Я велел тебе бить со всей силы. Разве ты старался?

Сяодун открыл рот, сиюсья оправдаться, но Гу Янь уже отдавал новый приказ:

— Уведите Чжу Ми. Завершите наказание сами — сорок ударов палками.

У Сяодуна внутри всё похолодело. Он хотел закричать, спросить «за что?!», но в то же мгновение стражник шагнул к нему, намертво зажал ему рот тяжёлой ладонью и грубо повалил на колени, прижав к полу.

Лоб его больно ударился о холодные каменные плиты, и сквозь звон в ушах он услышал свой приговор:

— Молодой господин не сумел удержать подчинённых в узде. Запереть на десять дней. Увести.

Сяодун отчаянно забился в чужих руках. Его волокли прочь у всех на глазах. Извиваясь, он успел заметить, как Чжу Ми повалили прямо на землю посреди двора. В руках стражников вместо розг уже были тяжёлые армейские шесты — каждый толщиной в три пальца.

Он брыкался и рвался из последних сил, мечтая издать хотя бы звук, но железная хватка стражника на его губах душила любые крики. Сяодун отчаянно сучил ногами, но его сапоги лишь оставляли длинные, бесполезные полосы на пыльных плитах двора.

Стоявшие по обе стороны двора воины и слуги замерли в том же безмолвии, что и прежде. Из глаз Сяодуна безудержно катились слёзы. Сквозь мутную пелену он вдруг услышал знакомый хлопок крыльев в вышине. Запрокинув голову, он увидел в холодном ночном небе белого кречета Догоревшего фитиля, кружившего под бледной луной.

Он безмолвно и обречённо смотрел на птицу, пока та окончательно не растворилась в глухой темноте.